

ЗЛОЙ САРКАЗМ ИСТОРИИ И КАЗУС ЭДИПА (Теологический взгляд)

Нравственного прогресса не было, нет и не будет

Окружающая нас немилосердная к нам реальность заставляет задаваться трудными вопросами, среди которых преобладают те, что раньше называли «вечными» или даже «проклятыми»: почему человек не становится лучше? Почему исторический процесс так и не превратился в нравственный прогресс, на который рассчитывали такие авторитетные атеисты, как французские философы-просветители XVIII века и марксисты XIX—XX веков? Почему зло, повсеместно бесчинствующее в мире, неистребимо, обладает невероятной искусительной силой и не собирается покидать историческую сцену? Как человеку жить в этих условиях явно сгущающейся тьмы и безысходности, что делать, во что верить, на что надеяться? Почему история последнего столетия оказалась похожа не на картины процветания, обещанного материалистами-прогрессистами, а на ночной кошмар больного каторжника Родиона Раскольниковца? Вот он, этот пророческий сон: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслышанной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор. Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаситься во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса»¹.

Нынешняя оносительно мирная геополитическая передышка все больше выглядит подготовкой к такому рукотворному апокалипсису, по сравнению с которым кошмар Раскольникова покажется детским мультиком.

В середине XX века человечество вступило в атомную эру. На исторической сцене, где разыгрывается мировая драма, чья-то безжалостная рука повесила заряженное атомное ружье. И по законам драмы, раз оно появилось, то до конца представления ему суждено выстрелить. Это означает, что уже существуют те антигерои, которым суждено взвести атомный курок, а затем и нажать на спусковой крючок. Равно существуют и те, в кого попадет заряд. И их, судя по всему, будет очень много, бесконечно много. И это радикально меняет суть всего происходящего на земле, изменяет строй мыслей и характер действий миллиардов людей, остро ощутивших, что их хрупкие жилища стоят у подножия мировой Силоамской башни (Лк. 13,4), которой суждено рухнуть и похоронить под собой уже не восемнадцать человек, а миллионы жизней.

В катастрофические времена, какими бы секулярными, атеистическими они ни были, всегда находятся люди, вспоминающие Бога, думающие и говорящие о Нем. Дает о себе знать важная закономерность. Оказывается, в экстремальных обстоятельствах, под лавинами катастрофических перемен, на войнах, в больницах, тюрьмах, люди с несравнимо большим вниманием, чем в обычных условиях, вслушиваются в слова тех, кто говорит им о Боге. Для тех, кто находится на смертном одре, на эшафоте, тонущем корабле или в горящем доме, слово *Бог* звучит иначе, чем на пляже или в ресторане. В благополучные, тучные годы число верующих, как правило, убывает, а в страшные, тощие времена возрастает.

Атакующее зло, сотрясающее умы и коверкающее души, заставляет исторического человека как бы очнуться и начать думать о том, что прежде не удостаивалось его внимания, находилось за пределами его понимания. Катастрофы, губящие живую плоть, способны выводить из дремоты, встряхивать разум, выталкивать дух на новые экзистенциальные траектории. Вспоминаются пронзительные строки харьковского поэта Бориса Чичибабина:

Живу на даче. Жизнь чудна.
Свое повидло...
А между тем еще одна
душа погибла.

¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 6. Л.: Наука. 1973. С. 419—420.

У мира прорва бедолаг, —
о сей минуте
кого-то держат в кандалах,
как при Малюте.

Я только-только дотяну
вот эту строчку,
а кровь людская не одну
зальет сорочку.

Уже за мной стучатся в дверь,
уже торопят,
и что ни враг — то лютый зверь,
что друг — то робот.

.....

Не зря грозой ревет Господь
в глухие уши:
— Бросайте всё! Пусть гибнет плоть.
Спасайте души!

И это относится не только к отдельным личностям. Большим человеческим сообществам, симфоническим личностям наций и народов тоже свойственно выдвигаться через потрясения и катастрофы на новые рубежи мироотношения.

Между тем массовое атеистически-материалистическое сознание, ошеломленное ужасами последнего столетия, продолжает держаться убеждения, будто испортившись, а то и просто прервавшиеся отношения человека с Богом не имеют к этим ужасам никакого отношения. И вот оно-то первым застывает в недоумении и растерянности. Подобно пушкинскому Сальери, оно меланхолически констатирует: «Нет правды на земле, но нет ее и выше». Не наблюдая вокруг себя свидетельств торжества истины и справедливости, оно в их поиске не апеллирует к трансцендентному миру и Божьему авторитету, поскольку не верит в их существование. Оно уже давно пребывает в обстановке растянувшегося на столетия расставания с Богом и совершенно разучилось осмысливать безжалостную историческую динамику с ее социальными, политическими катаклизмами, нравственными кризисами и духовными катастрофами в классических категориях библейско-христианского миропонимания. Сегодня современные профессиональные гуманитарии в своей массе, как никогда, далеки от библейского, евангельского интеллектуального опыта и совершенно не умеют им пользоваться. В их плоские, одномерно-профанные картины мира не вписываются трансцендентные реалии с их смысловыми высями и мистериальными глубинами. Им чужда мысль о том, что жизнь — это не просто драма, но мистерия, в которой профанное есть только узкая кромка прибоя беспредельного океана трансцендентного. Им недостает духовного слуха, чтобы в доносящемся гуле таинственного запредельного мира отличать сочиненную Творцом вселенской мистерии музыку небесных сфер от дьявольского скрежета, доносящегося из inferнальных глубин, где, как сказал бы Гераклит Эфесский, «все полно демонов». Давно привыкшие считать, что степень присутствия Бога в мире равна нулю, что Он либо безмолвствует, либо вообще «умер», они не догадываются о том, что за молчание Бога принимают собственную духовную глухоту, что Он никогда не умирал, никуда не исчезал, не самоустраивался и уж тем более не вручал демонам мандатов на повсеместное правление и вездесущее доминиро-

вание. И хотя демонические силы много себе позволяют и создают впечатление, будто владеют такими мандатами, это далеко не так. Впечатление обманчиво, и в ловушку обмана попадают в первую очередь сами жертвы атеистических, материалистических, агностических, скептических и прочих иллюзий. Робеющие перед демонами лжи и насилия, теряющиеся от их тотального натиска, бесцеремонного напора, они первыми поддаются под их власть и многое от них перенимают. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть роман Ф. Достоевского «Бесы»².

Для гуманитарного сознания, имеющего дело с историческими катастрофами, есть слишком много неясного, необъяснимого в фактах приоритета зла над добром, демонического над человеческим. Непонятно, почему секулярный рассудок, отвергающий трансцендентного Бога, с готовностью признает существование трансцендентного дьявола и трансцендентных демонов. В этом отношении примечательны позиции Томаса Манна в романе «Доктор Фаустус» и Карла Густава Юнга в его публичных выступлениях. В эпоху разгула, а затем поражения нацизма они открыто и доказательно рассуждали о власти демонических сил над человеческими существами, не касаясь при этом вопросов власти Бога над теми же самыми людьми. Их тексты по сей день оставляют впечатление полной незащитности человека перед дьяволом.

Впрочем, если вдуматься, все выглядит достаточно прозрачным: демонические силы, желающие обезопасить себя и быть уверенными, что их жертвы не вспомнят о Боге, не призвут Его на помощь, проводят предварительную анестезирующую блокаду их душ и умов. Подобно двум большим зубам, душа и ум человека обкалываются со всех сторон различными анестезирующими препаратами в виде секулярных доводов. В результате они становятся нечувствительны ко всему, что исходит от Бога, и позволяют демонам делать с собой все, что тем заблагорассудится.

Чтобы пациент очнулся, вернул себе отнятую у него нормальную чувствительность к положительной трансцендентности, воспользовался притупившимся было духовным слухом и зрением, нужны определенные условия, необходимо нечто экстраординарное. И здесь, как это ни печально, на помощь человеку приходят экстремальные испытания, катастрофические потрясения и тяжкие страдания.

«Проклятые» вопросы

О демонах можно красноречиво рассуждать за письменным столом в уютном кабинете, но когда находишься у «бездны на краю», перед зияющим инфернальным провалом обрушившейся судьбы локальной цивилизации, исковерканной исчадиями ада в человеческом облике, то уже не до умствований. У того, кто чувствует свое полное бессилие, возникает иное стремление — возопить к Богу, взмолиться о помощи или даже отчаянно потребовать защиты от политических демонов и выпестованных ими моральных идиотов. И вот тут-то злополучного страдальца может поджидать то, на что он никак не рассчитывал: единственным ответом на его отчаянный и требовательный вопль может оказаться тишина. Известно немало трагических свидетельств исстрадавшихся узников советских и нацистских концлагерей XX века, которые жаловались на молчание Бога.

Откуда эта тишина? Что произошло с Богом? Неужели Он забыл о страдающих, гибнущих людях, раздавленных жестокостью и ужасом? Куда Он удалился? Почему оставил их на произвол злой судьбы? Отчего не отзывается и бездействует? О чем свидетельствует Его молчание?

² См.: В. Багинин. «Бесы»-2014. Теология катастроф // Нева. 2014. № 11.

Рассудок, пребывающий в разладе с верой, бьется в плену этих вопросов как рыба об лед, тщетно пытаясь найти сколько-нибудь удовлетворительные объяснения могуществу зла и беспощадности смерти. При этом его версии чаще всего укладываются в ту формулу раздраженной обиды и горького отчаяния, которую прописала поэтесса Елена Шварц:

Я думала — меня оставил Бог,
 Ну что с того — он драгоценный луч
 Или иголка — человек же стог. Жесток...
 Я отвернулась от него — не мучь.

Но кто из нас двоих жесточе и страшней?
 Конечно, тот, кто не имеет тела, —
 Он сделал нас бездонными — затем,
 Чтобы тоска не ведала предела.

Человек с частично или полностью секуляризованным рассудком чувствует, как его одолевает состояние тоскливой растерянности, гнетущей опустошенности, эпистемологической фрустрации. Ум как бы упирается в стену, перестает что-либо понимать, и в голову начинают приходиться самые странные мысли. Так появляются наукообразные по виду, но нелепейшие по сути объяснения, в которых, к примеру, такие одиозные формы зла, как кровожадные стратегии тоталитаризма, объявляются манифестациями абсурда, в принципе не поддающимися внятному, убедительным объяснениям. Получается, что если рационально понять и обосновать их природу невозможно из-за недостатка духовно-интеллектуальных ресурсов, то следует самоустраниться от дальнейших изысканий, выдворить их за пределы познания и тем самым легализовать свое право «умыть руки».

Однако, к счастью, есть и другой путь, с другими средствами, дающими возможность заглянуть за границы территорий профанного мира, всмотреться, точнее, вдуматься в запредельность высших откровений, где господствуют уже иные слова и смыслы: Бог, грехи, проклятия, воздаяние, возмездие... На этом уровне мироистолкования качественно изменяется содержание вопрошаний: «Если Бог существует, то как Он допускает все это безумие? Если Бог благ, то почему Он позволяет существовать столь страшным видам зла? Почему Бог, о Котором говорят, что Он всемогущ, не может ликвидировать зло или, по крайней мере, защитить невинных?» Так современный разум оказывается внутри старинной, ставшей уже классической проблематики Теодицеи³.

Но демоны не дремлют, и потому одновременно на территорию Теодицеи вторгаются искусовые мысли-сомнения. Вкрадчиво и вместе с тем настойчиво они вещают о тщетности скорбного знания, в котором слишком много печали, о его опасном свойстве нарушать душевный покой людей, мешать их нормальной жизни, о напрасности страданий жертв, сожранных тоталитарными левиафанами, о бесполезности исторических уроков и т. д. Доверчивый рассудок не только послушно внемлет суфлирующему шепоту своего Мефистофеля, но и вторит ему. Так они вдвоем ткнут паутину вновь подоспевших анестезирующих соображений. Ее липкая, обволакивающая субстанция способна совершенно парализовать ум, если ее не начать разрывать сле-

³ Семантическая конструкция понятия Теодицеи двуедина, складывается из двух греческих слов — *Теос* (Θεός — Бог) и *дикэ* (δική — справедливость, правосудие) и традиционно толкуется как «оправдание Бога» или «Богооправдание». Таково общее название богословско-философского дискурсивного пространства, в пределах которого ведется поиск рациональных путей, средств и методов согласования реальности Божьего присутствия в мире с человеческим опытом зла.

дующими твердыми, жесткими вопросами, лишенными искусительной, смущающей, духовно разоружающей, деморализующей демонической подоплеки. В данном случае достаточно, например, спросить: почему, скажем, Эммануэля Левинаса («Useless Suffering»)⁴, или Ханну Арендт («Банальность зла»)⁵, или Эли Визеля («Ночь»)⁶ и многих других представителей многострадального еврейского народа интересуют причины могущества зла, а представителей других народов-страдальцев они занимать не должны? Почему для одних людей страдания миллионов сородичей имеют существенное этическое значение и мощные экзистенциальные последствия, а для других они обладают микроскопической нравственно-экзистенциальной значимостью?

Если мыслящее «я» продолжит рассуждать в регистре Теодицеи, то его непременно посетят недоумения и предположения: «Если Бог *не хочет* устранить зло, значит, Он не благ? Если Бог *не может* ликвидировать зло, оскверняющее подконтрольную Ему земную территорию, следовательно, Он не всемогущ? Тогда выходит, что недобрый и слабосильный бог — совсем не тот, кем его считают?»

То есть снова и снова на общих для экзистенциального и исторического сознания территориях возникают и повторяются в разных вариациях все те же «вечные», «проклятые», не поддающиеся легкому разрешению вопросы. Из них образуется замкнутое пространство, откуда секуляризованный рассудок не может вырваться, несмотря на все его старания.

«Боже, как Ты терпишь такое?»

Те, кто склонны считать, будто живут в условиях постсекулярности и postmodernity, уверены: modernity умерла. И действительно, мир, судя по всему, решительно расстается с ней и готовится отслужить заупокойную литургию. Уже ничто не мешает всмотреться в черты усопшей и мысленно воссоздать пройденный ею исторический путь в его доступной полноте и открывшейся сути. Однако эта возможность не из приятных. Слишком тяжелое и мрачное впечатление оставила ее финальная, закатная, старчески-маразматическая, буйная пора. Растянувшаяся чуть ли не на весь XX век, она такова, что этот период впору называть даже не *осенью модерности*, а *dark modernity*. Потому, вероятно, расставание с ней не рождает особых сожалений.

А ведь все начиналось так славно. Сменяли друг друга исторические сезоны модерности. Была весна с «цветущей сложностью» проникновенных символов Данте и многообещающих идей Лютера—Кальвина. Затем было лето с его пышным созревaniem сложнейших культурных форм, с барочностью Шекспира и Баха, грезами Руссо, универсализмом Бетховена и Гегеля. Потом наступила осень модерности, плодоносная пора, уже отдающая легким запахом вначале прели, а затем и последовавшего тления у Достоевского, Бодлера, Ницше, Пруста, Кафки. И, наконец, пришла зима модерности, а с нею и все более глубокое промерзание некогда плодоносных почв былой христианской культуры. У Николая Заболоцкого есть стихотворное описание того, как замерзала река, как ее одолевало предсмертное томление, как по ней пробежала финальная смертельная судорога, оставившая после себя омертвевшую, остекленевшую, безжизненную, ледяную поверхность. Читать эти строки так же тяжело, как и толстовскую «Смерть Ивана Ильича».

⁴ Levinas E. Useless Suffering // Entre Nous: Thinking of the Other. New York: Columbia University Press, 1998. P. 91—101.

⁵ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

⁶ Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М.: Олимп, 1993.

Подобным свидетельством смерти культуры модерности стала гибельная судорога абсурда самоуничтожения, пробежавшая по миру от советского ГУЛАГа, через нацистский Аушвиц, к нью-йоркским небоскрегам-близнецам. После нее уже окончательно наступила настоящая зима с глубоким промерзанием большинства источников духовной жизни, с духовным омертвением многого из того, что недавно было еще живо.

Многовековой жизненный цикл завершился. На наших глазах финишная черта исторического марафона превратилась в линию, с которой стартовала новая эпоха, еще не имеющая собственного имени и пока вынужденная откликаться на не слишком вразумительный позывной *Postmodernity*. Наследница, связанная родственными узами с погребаемой эпохой, оказалась в двусмысленной ситуации. Суть ее отношения к темпоральному, историческому трупу, пожалуй, наиболее точно передают известные ахматовские строки:

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.

И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.

А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнаёт,
И внук отвернется в тоске.

Казалось бы, время не материально и физической смерти не знает; его прожитые отрезки не хоронятся, не утилизируются человеком. Их судьба иная и напоминает участь рек, которые, впадая в океан, радикально изменяют свою природу. Времени свойственно вытекать из вечности и впадать в нее. Вечность, проникающая в живую плоть, обращается во время, протекает сквозь нее, а затем, оставив ее вместе с жизнью, опять становится самой собой, то есть вечностью.

Отношения с вечностью не менее сложны, чем отношения с историческим, биографическим, экзистенциальным временем. Модерность, отжившую свое, нельзя закопать в землю и забыть. У нее иная природа, и потому она продолжает свое существование, по меньшей мере, в двух формах. Во-первых, она имеет вид духовно-исторической реальности, осевшей в текстах и артефактах, и потому в любую ее область можно, при желании, заглянуть через тонкую оптику гуманитарных инструментов. Во-вторых, ей свойственно существовать в виде необозримой галактики духовных и практических, нынешних и будущих следствий, чьи причины остались локализованы внутри исчезнувшей модерности. Необозримый конгломерат причинно-следственных гирлянд продолжает присутствовать внутри нас, детерминировать наши мысли, чувства и поступки. И хотя они практически всегда пребывают в нашей современности, с нами и внутри нас, однако мы понимаем эту самую современность чаще всего крайне неудовлетворительно. Во многих случаях даже совсем не понимаем, теряемся в недоумениях, впадаем в растерянность перед многими ее антропологическими и социальными проявлениями, особенно перед теми, которые имеют трагический или

гротескный вид. Создается впечатление, будто мы смотрим на нее сквозь какие-то «тусклые стекла», не проясняющие, а скрывающие от нас ее сущность.

Нынешнее время — смутная, духовно истощенная, скудная и сумрачная «пора меж волка и собаки», когда в огромном числе умов и душ давно уже истаяли давние исторические миражи, ренессансные идеалы, оптимистические просвещенческие иллюзии и наивные прогрессистские грезы. На наших глазах решительно рвутся веревки одних смысловых связей и затягиваются узлы новых, поражающих своей умопомрачительной замороченностью. Под напором духовного безвременья великое множество душ опрокидывается в состояния смятения, уныния, тоски, экзистенциальной меланхолии. В этих условиях ищущий, беспокойный ум, не могущий понять, откуда берутся все новые, ранее не виданные формы зла и почему этот поток обладает неиссякаемой мощью, теряет ориентиры, останавливается и начинает крутиться волчком на одном месте, подобно пляшущему дервишу.

Действительно, на закате modernity мировое зло пережило впечатляющие качественные метаморфозы. XX век прибавил к его привычным, банальным, ординарным формам еще и экстраординарные, в том числе государственные практики целенаправленного растления, регулируемого одичания, управляемого вырождения многомиллионных человеческих масс. В рукотворных истребительных катастрофах полицейско-государственных, военно-политических геноцидов все происходит не по Дарвину: на огромных территориях выживают средние, погибают сильнее.

Новые стратегии геополитических злодейств оказались чудовищно результативны и в практическом, и в духовном смысле. Европейские гуманистические иллюзии не выдержали конкуренции с дьявольскими идеологемами коммунизма и нацизма и были перемолоты в прах машинами тоталитарного идеологического и жандармского террора. Философские сказки о нравственном прогрессе либо намертво заоченели на Колыме, либо сгорели в печах нацистских лагерей.

Когда папа Бенедикт XVI прибыл в Освенцим и увидел дьявольские печи, превратившие в пепел полтора миллиона мужчин, женщин, младенцев, стариков и старух, юношей и девушек, мальчиков и девочек, то он признался, что не может подобрать слов ни для объяснения, ни для утешения: «В этом месте, — сказал он, — не хватает слов. И тут может быть только мертвая тишина — тишина, из своей глубины вопиющая к Богу... Как мог Ты потерпеть такое?»

Удивительно, но факт: отчаянное недоумение продемонстрировал не полуверующий рационалист, не полуневевающий скептик, а умудренный содержательной жизнью и небанальным опытом старец христианин. Старый вопрос Теодицеи нового времени задал истинный интеллект, признанный богослов, автор многих книг, посвященных отношениям человека с Богом. И его слова никого не поразили, поскольку не только в современном секулярном мире, но и среди христиан он не одинок в этих чувствах тяжелой, мучительной растерянности. После Освенцима миллионы людей, в том числе и философы⁷, продолжали вопрошать, как Бог смог, посмел допустить запредельное зло рукотворных, умело, с дьявольской изобретательностью сконструированных катастроф ГУЛАГа, голодомора, холокоста?

Им вторят новые поколения «совопросников века сего», проживающие на территориях современной Евразии: «Как Бог допускает, что идея тоталитарного карамазовского Скотопригоньевска по сей день жива, а трагический опыт зла, замешанный на страданиях бесчисленного множества людей, продолжает приумножаться? Почему этот травматический опыт не выполняет катарсических функций? Почему вместо

⁷ Наш старший современник, известный философ Г. Йонас утверждал, что Бог, допустивший Освенцим, не может быть признан всемогущим. А раз так, то от Него необходимо отказаться (Jonas H. The Concept of God after Auschwitz: A Jewish Voice. Journal of Religion 67, number 1 (1987): p. 1–13).

того, чтобы очищать и преобразовывать экзистенциальные структуры современной постсекулярной души и включать механизмы метанойи, он демонстрирует повсеместные сбои систем духовной ориентации? Почему он вместо того, чтобы исцелять, инициирует сломы в механике работы исторической памяти, заставляет забывать жизненно важные приемы упаковки и распаковки впечатлений, соответствующих универсальным, абсолютным смысловым, ценностным критериям? Откуда берется вопиющая дисфункциональность тех душ, сердец, умов, которые уже забыли девиз „Это не должно повториться“ и с готовностью подхватили дикий клич современных бесов: „Можем повторить“? Куда провалилась память о железных тоталитарных кафкианских бóронах XX века, перепавших и перемесивших в кровавое тесто многомиллионные человеческие массы? Почему Бог не препятствует превращению опыта чрезмерного зла и страданий в новые формы зла? Почему то, что могло бы стать лекарством, становится ядом? Какие силы и обстоятельства превращают массовый предельный, сумеречный опыт несчастного существования в тромбы, блокирующие кровотоки в нравственных организмах человеческих сообществ? Почему Бог допускает системную регенерацию „государств-мошенников“ (Деррида), фарсово-гротескных социумов, пораженных духовной проказой народов, этически отталкивающих общественных систем, патологически порочных социальных, партийно-мафиозных конгломератов, способных лишь на то, чтобы стимулировать растление, распространять разложение, сеять смерть?

В таких системах зло давно перестало быть локальным, очаговым и обрело признаки тотальности. В масштабных социальных фарсах, вызывающих изумление и отвращение, участвуют неисчислимые множества людей, пораженных проклятиями безверия и безмыслия. Их ленивые умы легко впадают в состояние растительно-животной тупости, самосознание едва теплится, а души гибнут раньше плотских оболочек. Ставшие выкидышами мировой культуры, они порождают и взращивают потомства еще более оголтелых моральных идиотов. Они же выстраивают вокруг себя силы и структуры, парализующие в них интерес к гамлетовским вопросам, гасящие всякую свободную и высокую мысль, удерживающие обывательский рассудок внутри привычной безобразной реальности, мало чем отличающейся от череды кошмарных сновидений. А когда у них самих в руках оказываются перья, микрофоны или клавиатуры ноутбуков, то их усилиями социогуманитарный мир превращается в „слепое зеркало“, не позволяющее разглядеть знаков истины»⁸.

История и теология

Среди гуманитариев, слабо ориентирующихся в анналах библейско-христианского интеллектуального опыта, существует предубеждение, будто теология исключает рациональный подход к истории. Это не так. Теология, напротив, настаивает на том, что рациональный подход к истории необходим. Однако при этом она уточняет: он необходим, но не достаточен. Его недостаточность присутствует не в нем самом, а в его глубинных основаниях, в питающей его почве. Этой почвой служит не столько антропология разумности-рассудочности, сколько деятельность индивидуального духа с его духовностью (одухотворенностью), верой, нравственностью, без которых разум либо туп и ленив, либо холоден, равнодушен и скептичен, либо же становится имморальным и циничным.

Имморальностью, цинизмом, идеологической ложью пропитана огромная часть советских и нынешних исторических сочинений, от диссертаций до учебников. Иде-

⁸ См.: М. Хайдеггер. Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 126–127.

ологизированная рациональность советского сознания настаивала на том, что творцом истории является человек. С этой идеей можно согласиться лишь до известных пределов. Она выглядит верной, если принять во внимание весь массив предельного опыта поздней модерности, который свидетельствует: геополитические катастрофы XX столетия действительно являются устрашающим результатом действий конкретных людей с их психическими комплексами, преступными наклонностями, замороченной рассудочностью, поврежденной совестью, полным безверием и податливостью самым диким демоническим соблазнам. Пospрашивайте современных политиков, как они понимают место человека в истории, и будете поражены убожеством тех картин мира, с которыми они живут, по которым ориентируются и выстраивают стратегические линии своей деятельности.

Да, история — это великое поприще для человека. Но он — не единовластный хозяин на нем. Иначе он мог либо предвидеть и избегать многих подстерегающих его опасностей, либо давно бы истребил себя как вид. Но он чуть ли не на каждом шагу убеждается, что далеко не все в его воле, что помимо него действуют какие-то невидимые силы и могущественные факторы. Он постоянно убеждается, что у него опять что-то «пошло не так», что снова вмешалось и подключилось нечто неожиданное, непредвиденное, не входившее в его расчеты. В результате все карты оказались смешаны, и история заскользила опять в неизвестном направлении, о котором он и не подозревал.

В микросоциальном масштабе чаще всего впросак такого рода попадают мои коллеги-социологи, чьи опросы предоставляют либо крайне убогие данные о сути того, что происходит в обществе, либо вообще дают ложную информацию. Это происходит из-за того, что они слишком мелко копают. Для них потолок со свисающими с него причинно-следственными цепями, на которых подвешены все социальные субъекты, — это государство и общество. Ну, а то, что эти два последних сами находятся во власти еще более могущественных детерминант трансцендентного характера, им не приходит в головы. Отсюда регулярно наступающие их промахи и конфузы.

Это и многое другое заставляет настаивать на важной истине, известной еще древним, но ныне почти забытой: история — это драма, в которой основные детерминирующие силы располагаются на высшем, трансцендентном уровне, а все прочее, вся человеческая комедия, очень похожая на трагедию, разворачивается на уровне нижнем, профанном. В ней, как в Книге Иова, действуют три ведущих субъекта — Бог, сатана и человек. За Богом стоят благие силы созидания, за сатаной — темные силы разрушения, а человеку дано размышлять, взвешивать, выбирать, использовать на всю мощь свой разум, дух, веру (если она есть), совесть, делать ставки на свет или тьму и действовать тем или иным образом. И во всей этой практике избирательных предпочтений роль рационального, аналитического мышления чрезвычайно велика.

Теология настаивает на том, что история — это поприще прежде всего Бога, на котором Он трудится вместе с людьми, направляя их, вдохновляя, мобилизуя и отбивая, по их мольбам, нападки демонов. В тех же случаях, когда люди не веруют, Бог предоставляет их самим себе, оставляет без защиты от сатанинских сил и последние получают огромный простор для своих разрушительных инициатив.

Другая отрезвляющая библейско-богословская истина гласит: Бог никогда не обещал человеку совершенно безоблачного благоденствия за пределами Эдема. Не обещал Он и нравственного прогресса по причине того, что все люди до единого повреждены грехом. Для большинства человечества мировая история закончится очень плохо. Они погибнут среди апокалиптических ужасов. Спасутся лишь те, кто доверился Сыну Божьему Иисусу Христу. Он защитит всех, кто уверовал в Него, кто готов беречь и отстаивать свою веру до последнего вздоха.

Эти истины, которые пытались довести до людей священнописатели, работавшие над библейскими текстами, доступны даже детскому пониманию. С ними были согласны самые блистательные умы прошлого: Аврелий Августин, Данте Алигьери, Жан Кальвин, Рембрандт ван Рейн, Иоганн Себастьян Бах, Федор Достоевский и другие гении человечества. Но эти истины почему-то не устраивают современного человека. Он кладет духовный опыт всех этих гениев на одну чашу весов, а на другую помещает идеи Маркса, Ленина, Фрейда и прочий интеллектуальный хлам, заимствованный у нескольких десятков второстепенных ученых-атеистов. И вторая чаша оказывается в его глазах весомее первой. Спрашивается: а где его рациональный подход к процедуре взвешивания? Где его способность здраво мыслить, трезво оценивать и вдумчиво выбирать? А она дремлет. Почему? По причине глубокого сна его духа и веры, которые в самый ответственный момент, когда надо выбирать между абсолютным и относительным, истинным и ложным, пониманием и непониманием, ничем не могут помочь бедному интеллектуалу. И тот легко принимает массы наукообразных, но пустопорожних словосочетаний за коллекцию бриллиантов, делает на них ставку и терпит сокрушительное поражение, видя, как все, на что они ориентировали, а он рассчитывал и надеялся, «пошло не так», что история не желает подчиняться выморочным теоретическим выкладкам и все больше напоминает неуправляемый «бесовский хаос». Так сон веры порождает еще больших чудовищ, чем сон разума.

Однако бодрствующая вера не должна быть декоративно-эстетическим приложением к его жизни, не должна ограничиваться праздничными посещениями помпезных театрализованных зрелищ, устраиваемых разряженными в золото исполнителями заученных ритуальных действий и туманных речитативов на непонятном языке. Она не должна быть обрядоверием и свечкоустановлением. Вера — это прежде всего личные отношения с живым Богом, Которому человек безоглядно доверяет, в истинность Слова Которого безусловно верует и постоянно использует это как главное руководство в своей жизни, деятельности, творчестве, размышлениях, научных поисках.

Если же все это игнорировать, упорствовать и продолжать стоять в позиции секулярного толкователя происков исторического рока, то все будет совершаться по сценарию истории древнего Эдипа. Габриэль Гарсиа Маркес оставил нам блистательную в своей точной лаконичности фразу, вскрывающую суть трагической судьбы царя Эдипа. Он назвал трагедию Софокла самым лучшим в мире детективом: в нем следователь, ищущий преступника, обнаруживает, что преступник — он сам. Секулярный человек, полагающий себя творцом истории и ищущий виновных в происходящих мировых катаклизмах и катастрофах, в конце концов остается наедине с ошеломляющей истиной: виновный — он сам. Да, прежде всего именно он, атеист и материалист, игнорирующий онтологический факт существования трансцендентной реальности, оставшийся без подстраховки свыше и без защиты от угроз, идущих из inferнальных глубин демонического. Он вынужден делать не то, что считает необходимым, а то, что ему навязывают полчища персональных мефистофелей.

В результате и оказывается, что вокруг регулярно появляется «явное не то», что все опять «пошло не так», «все не так, ребята...», что обстоятельства отчего-то изменились на противоположные. И он начинает жаловаться на эти неожиданные, слишком резкие и потому пугающие повороты истории, на разрывы между ожидаемым и случившимся, на «иронию истории», на сарказм рока, играющего с ним злые шутки и подсовывающего последствия, не вытекающие, казалось бы, из наличных причин.

Так, когда-то библейский Лот, племянник Авраама, пожелал удалиться от дяди, выбрал плодороднейшие земли и надеялся на полное благоденствие. Но в результате оказался среди содомитов, в Содоме, который был проклят Богом и сожжен, а сам Лот

лишился жилья, имущества, потерял жену и оказался вовлечен двумя своими дочерьми в тяжкий грех инцеста.

Историческое сознание, страдающее от превратностей исторической судьбы, от возникающих разрывов смыслов, сбоя понимания, умственного слабосилия, становится воистину «разорванным», очень напоминающим описанный в гегелевской «Феноменологии духа» тип «разорванного сознания». В этом своем виде оно малопригодно к эффективной, плодотворной работе не только с историей современности, но и вообще с историческим материалом как таковым.

Там, где для теологии очевидны разрывы между волей Бога и волей человека, глухого к Его повелениям, но зато внимательно прислушивающегося к искусительным повелениям суфлирующего Мефистофеля, секулярное сознание усматривает просто разрывы в ткани исторического полотна.

Если человек действует поперек воли Бога, то он фактически слепнет, подобно, например, фараону из Книги Исход, не желавшему слушать Моисея и отпустить израильтян из Египта. Получив за свою духовную слепоту и глухоту десять египетских казней, разоривших его страну, фараон, в конце концов гибнет и сам вместе со своим войском.

Теодицея

Теология истории никому ничего не навязывает. Она только предостерегает мыслящего человека от исторического верхоглядства. Она напоминает, что, кроме профанного измерения, у истории имеется еще и трансцендентное, что для полноты аналитической картины каждого исторического события и факта необходимо учитывать оба эти уровня-измерения.

Чтобы научиться этому, надо иметь представление о природе трансцендентного, о характере трансцендентной детерминации исторических событий. Вводят же человека в этот бескрайний мир истин и тайн Библия и теология. Они рассказывают о том, как Бог в Своем довременном бытии создал, помимо вселенной, еще и Книгу мировой истории, сотворил своего рода метароман или сверхроман истории мировой цивилизации с вписанной в него судьбой каждого человека, народа, государства.

Понять и принять это не слишком трудно. Но отчего-то получается это у очень не многих. И здесь возникает целый каскад крайне непростых вопросов. Спрашивается, если люди верят на слово таким мыслителям, как, скажем, Руссо, Канту, Гегелю и другим, то, что им мешает поверить мудрому Слову Самого Бога, являющегося истинным Автором Библии, вдохновившим несколько десятков людей записать Его Откровение? Для чего нужно подходить к Откровению с позиций не герменевтики доверия, а герменевтики подозрительности? Какой в этом смысл? Ответов на эти вопросы множество, но все они сводятся, по сути, к одному — чтобы доверять, надо верить, иметь веру, хотя бы самую малую, пусть с горчичное зерно. Без нее даже самое скрупулезное изучение Библии, как, к примеру, современными религиоведами, историками религии, ничего не прибавляет к рациональному миропониманию сущего и должного, прошлого и настоящего. Без нее о Боге и обо всем прочем, включая историю в целом и любой из ее фрагментов, можно рассуждать вкривь и вкось и выдавать эти кривотолки за интеллектуальные новации. Так, еще при Лейбнице, а затем во времена Канта секулярный, фаустовско-мефистофелевский рассудок стремился доказать, будто Бог — плохой управленец и не может справиться с этим полубезумным миром. Разрабатывалась система доказательств, предназначенных для нанесения авторитету Бога максимального урона, нацеленных на то, чтобы бесповоротно скомпромети-

ровать Его в глазах верующих. В итоге проект удался, цель была достигнута, и именно этот компрометирующий настрой стал на многие годы главным фактором, отталкивающим христианское сознание от библейской Теодицеи Иова как Богопрославления и заставляющим сочинять новые, пронизанные фаустовским настроением квазитеодицеи как Богообвинения и ратовать за «смерть» Бога.

Те философы, которые лояльно относились к библейско-христианской интеллектуальной традиции, пытались использовать смягчающие формулировки и сглаживать острые логические и этические углы новой Теодицеи. Так, Кант для этого прибегнул к концепту *целесообразности*. По его версии, Теодицея ставит вопрос о нецелесообразности многого из того, что существует в сотворенном Богом мире. У него речь идет о моральной нецелесообразности зла (греха, преступления), о физической нецелесообразности бедствий и причиняемых ими страданий, о нецелесообразно устроенном механизме воздаяния, не позволяющем справедливой каре своевременно настичь каждого преступника.

Логика такого рода вполне соответствует логике современных гуманитариев, изображающих гулаговский геноцид как пример не просто предельного и запредельного зла, абсурдного в своей беспрецедентной массовости и жестокости, но и как вопиюще нецелесообразную практику.

Но тот же Кант справедливо замечает, что кажущаяся резонность подобных соображений будет разбиваться, подобно волне, о библейский утес из трех контраргументов, свидетельствующих о высшей мудрости Создателя. Бог обладает святостью (как Творец-законодатель), благостью (как Правитель-миродержец), справедливостью (как Высший Судья)⁹. Иными словами, у Бога все целесообразно, все включено в законосообразную цепь подконтрольных Ему причин и следствий, все справедливо. Только сложность в том, что сама эта цепь лишь в очень малой степени доступна умственному созерцанию и пониманию большинства людей. Отсюда их недоумения, нелепые предположения, глупые претензии и опрометчивые выводы.

Действительные отношения между Богом и злом разворачиваются отнюдь не по тому сценарию, который прописывают в своих квазитеодицеях хитроумные и коварные богоборцы. Их низкой точке зрения противостоит высокая точка зрения, которая имеется у Бога как главенствующего Субъекта Теодицеи и которую наиболее адекватно может постичь лишь христианский ум, опирающийся на христианскую веру. Присутствие этих двух полярных позиций внутри единого дискурсивного пространства придает мировой Теодицее вид интеллектуально-этической драмы, делает ее структурой антиномичной, складывающейся из тезисов и антитезисов:

- Существование зла целесообразно (тезис). — Существование зла нецелесообразно (антитезис).
- Существование страданий целесообразно (тезис). — Существование страданий нецелесообразно (антитезис).

В результате обладатель секулярного рассудка, неспособный выбраться из этого интеллектуального капкана, не нашедший в антиномиях ничего утешительного, отступает ни с чем, возвращается на исходные позиции. Как гласит старинный перевод Первой Книги Царств: «вкушая, вкусих мало меду... и се аз умираю» (1 Цар. 14, 43). При этом неудачник и сам не понимает, как близок был к заветному рубежу, за которым располагались искомые ответы на «проклятые» вопросы. Ведь Теодицея включает не только каверзные вопросы и соответствующие им столь же каверзные ответы, но и предполагает альтернативные версии ответов совсем иного рода. Но до них наш атеист, увы, не может добраться. Ему ничего не остается, кроме самоуспокоительной

⁹ И. Кант. О неудаче всех философских попыток теодицеи. — Он же. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 62.

резюмирующей сентенции: «Я так и предполагал, что Бог — это фикция, нулевая величина. Зло несравнимо могущественнее этой вымышленной фигуры, которая ничего не может с ним поделать. Об этом свидетельствуют мировая история, XX век и окружающая повседневность». Далее выстраивается галерея рациональных и вместе с тем исключительно негативных конструкций, изображающих:

- картины мира, истории человечества, цивилизаций и культур, из которых удален «бесполезный Бог».
- модель человека как антропологического мутанта, стиснутого непреодолимым для него опытом зла, легко поддающегося воздействию механики государственного растреления, беззащитного перед диктатурами тотального насилия, не видящего пользы в таких человеческих свойствах, как вера, совесть, достоинство.
- эпистемологические схемы мыслительной деятельности, из которых удалена «бесполезная» теологическая рефлексия о прошлом и настоящем, сущем и должном.
- редуцированные карты памяти, в которых нет места «бесполезному» историческому знанию о немислимых страданиях и кровавых слезах миллионов мучеников, отсутствует понимание того, почему и для чего страдают народы.
- воспитательные программы, построенные на намеренном и повсеместном игнорировании «бесполезного добра», «бесполезной честности», «бесполезной свободы», «бесполезного права» и т. д.

«Бесполезность» такого рода он легко обращает в бессмысленность. И действительно, какой смысл беспокоить себя картинами чьих-то страданий, мыслями о них. Времена Ивана Карамазова, не находившего себе места из-за «слезинки ребенка», замученного ради общего блага, давно канули в прошлое. Его литературных и нелитературных праправнуков совершенно не волнуют миллионы жизней и судеб, сброшенных в котлован имперской вавилонской башни. По его воле на место вытесненных «бесполезностей» водворяется всеобъемлющий комплекс программ новой «полезности», которые на поверку оказываются прагматическими стратегиями по интеллектуальному, эмоциональному, экзистенциальному одомашниванию зла, привитию толерантности и даже любви к нему, проектами приручения демонов, инфернализации культуры и превращению ее в монструозную демонодицею.

Государство, создавшее индустрию по культивации массового «ленивого разума», ставшее фабрикой «бесполезных жизней», лишенных высокого смысла, превратило большую часть того, что некогда создала христианская цивилизация, в «факультет ненужных вещей», в балласт «бесполезных» смыслов, ценностей и норм. Пустующие же площади умов и душ сдаются в аренду различным видам зла, вплоть до самых темных, откровенно инфернальных. Так, внутри новых теодицей прочно утверждается зло, которое не молчаливо противостоит Богу, но открыто нападает и яростно чернит Его. Для интеллигентского сознания все это оборачивается духовной слепотой и глухотой, гуманитарным косноязычием, смысловой невнятицей объяснительных рассуждений, которые выглядят вполне рациональными, но ничего не объясняют, поскольку их авторы видят прошлое и настоящее как бы сквозь «тусклое стекло». Их мысли и слова, лишенные катарсической, преобразующей силы, как это ни странно, действительно достигают своей цели, усугубляя впечатления бесполезности и бессмысленности страданий, перенесенных мучениками XX века.

Попутно возникает феномен фаустовского ресентимента, когда зло продолжает произрастать из завистливого отношения современного доктора Фауста к могуществу демонических сил, которым все дозволено, все по плечу, все доступно. Он уже не призывает: «Будем как боги!», а открыто заявляет: «Будем как бесы, демоны, мифистофели! Будем во всем подражать им, равняться на них! Станем гениями зла!» И де-

монический ресентимент предстает уже не только как их завистливое желание доктора Фаустуса сравняться своей деструктивной деятельностью с inferнальными силами, но и как стремление подчинить этому доминирующему намерению политическую, экономическую, культурную, научную жизнь и деятельность как можно большего числа людей.

В условиях массового умопомрачения и общего духовного истощения нормальному, то есть цивилизованному и мыслящему, человеку становится нечем дышать. Он видит, что мир уже не просто лежит во зле, но погрузился в него по самую макушку, захлебывается и утопает в нем. Ему понятно, что совершающееся происходит не случайно, а вполне законосообразно, но вот что делать с этой законосообразностью, ему еще надо обдумать и решить.

Не отсюда ли то пока едва заметное, но уже вполне реально намечающееся перемещение современной культуры из секулярного состояния в постсекулярное. Как будто среди масс гуманитарных интеллектуалов пронеслась передаваемая из уст в уста весть: «Ницше был не прав. Бог-то, оказывается, не умер! Он жив и возвращается из изгнания! Эра Его молчания вот-вот закончится».

Не предчувствием ли надвигающихся геополитических катастроф нового типа объясняется намечающийся теологический разворот мирового гуманитарного, в том числе и исторического, сознания, уже явно ощущающего скудность интеллектуальной пищи с пастбищ позднейшей модерности, выжженных бесцеремонным секуляризмом.